

1987

HUNGARIAN STUDIES

CONTENTS

Volume 3
Numbers 1-2

- P. N. Lizanec*: Ukrainsko-vengerskie mezhyazykovye-mezhdialektnye svyazi
George A. Perfecky: Hungary and the Hungarians in the Galician-Volynian Chronicle
Iván Bertényi: Fourrures dans l'héraldique du Moyen Age hongrois
Astriik L. Gabriel: University Career of Mattheus de Loreyo
István Fodor: Eine Variante von Nicolaus Olahus „Hungaria“
László Kósa: Kinderaustausch und Spracherlernen in Ungarn
István Csapláros: Ferenc Kölcsey and the Polish Question (1831–1834)
R. L. Aczel: Notes on the Lyrical Poetry of János Arany 1848–1849
Nicolas Cazelles: Qui est l'auteur des "Ballades d'Arany"?
Thomas Kabdebo: Blackwell and Hungary
Götz Mavius: Ungarische Denkmäler – Made in Austria
Tibor Frank: Anthropology and Politics: Craniology and Racism in the Austro-Hungarian Monarchy
András Csillag: The Hungarian Origins of Joseph Pulitzer
Bruno de Marchi: The Red News-Reel of the Tanácsköztársaság
József F. Böröcz: Name Language Shift in Árpádhon (Louisiana)

Chronicle

Reviews

Short Notices on Publications Received

HUNGARIAN STUDIES

a Journal of the International Association of Hungarian Studies
(Nemzetközi Magyar Filológiai Társaság)

Hungarian Studies appears twice a year. It publishes original essays—written in English, French or German—dealing with all aspects of the Hungarian past and present. Multidisciplinary in its approach, it is envisaged as an international forum of literary, philological, historical and related studies. Manuscripts will be evaluated by the Board of Editors, and papers vetoed by any of them will not be published. Each issue will contain about 160 pages and will occasionally include illustrations. All manuscripts, books and other publications for review should be sent to the editorial address or to the Chairman of the Board of Editors.

Hungarian Studies is published by

AKADÉMIAI KIADÓ

Publishing House of the Hungarian Academy of Sciences
H-1054 Budapest, Alkotmány u. 21.

Orders may be placed with KULTURA Foreign Trading Company (1389 Budapest, 62, P.O. Box 149) or its representatives abroad.

Editorial address

Budapest, I., Országház u. 30.
Telephone: 759-011/327

Budapest H-1250
P.O. Box 34
Hungary

Editors

Vilmos Voigt (managing editor)
Mihály Szegedy-Maszák (executive editor)
Aron Petneki (assistant editor)
Miklós Csapody (assistant editor)

Board of Editors

Kálmán Benda, Magyar Tudományos Akadémia, Történettudományi Intézet, Budapest
György Bodnár, Magyar Tudományos Akadémia, Irodalomtudományi Intézet, Budapest
László Deme, József Attila Tudományegyetem, Szeged
Jean-Luc Moreau, National Institute for Oriental Languages and Civilizations, Paris
Péter Rákos, University of Prague
Denis Sinor, Indiana University, Bloomington, Indiana

Advisory Council

Loránd Benkő, Eötvös Loránd Tudományegyetem, Budapest; George Frederick Cushing, London University; Béla Gunda, Kossuth Lajos Tudományegyetem, Debrecen; Tibor Klaniczay, Magyar Tudományos Akadémia, Budapest; Clara Maytinskaya, Academy of Sciences of the USSR, Moscow; Wolfgang Schlachter, Georg August University, Göttingen; Zoltán Szabó, Babeş-Bolyai University, Cluj-Napoca; Miklós Szabolcsi, Magyar Tudományos Akadémia, Budapest; István Szeli, Academy of Vojvodina, Novi Sad; Bo Wickman, University of Uppsala

HUNGARIAN STUDIES

VOLUME 3, 1987

CONTENTS

NUMBER 1-2

<i>P. N. Lizanec</i> : Ukrainsko-vengerskie mezhyazykovye-mezhdialektnye svyazi	1
<i>George A. Perfecky</i> : Hungary and the Hungarians in the Galician-Volynian Chronicle	18
<i>Iván Bertényi</i> : Fourures dans l'héraldique du Moyen Age hongrois	31
<i>Astriik L. Gabriel</i> : University Career of Mattheus de Loreyo	41
<i>István Fodor</i> : Eine bisher unbekannte handschriftliche Variante von Nicolaus Olahus „Hungaria“	47
<i>László Kósa</i> : Kinderaustausch und Spracherlernen in Ungarn	85
<i>István Csapláros</i> : Ferenc Kölcsey and the Polish Question (1831-1834)	95
<i>R. L. Aczel</i> : Notes on the Lyrical Poetry of János Arany (1848-1849)	111
<i>Nicolas Cazelles</i> : Qui est l'auteur des "Ballades d'Arany"?	131
<i>Thomas Kabdebo</i> : Blackwell and Hungary	153
<i>Götz Mavius</i> : Ungarische Denkmäler - Made in Austria	157
<i>Tibor Frank</i> : Anthropology and Politics: Craniology and Racism in the Austro-Hungarian Monarchy	171
<i>András Csillag</i> : The Hungarian Origins of Joseph Pulitzer	189
<i>Bruno de Marchi</i> : The Red News-Reel of the Tanácsköztársaság: History Dream and Cinema Imagination	207
<i>József F. Böröcz</i> : Name Language Shift in Árpádthon (Louisiana) - A Content Analysis of Tombstone Inscriptions	227

CHRONICLE

<i>Jerzy Snopek</i> : Hungarian Studies in Poland	243
<i>Ilona Kovács</i> : Problems and Patterns in the Development of Library Services for Ethnic Hungarians in the United States in the first Decades of the 20th Century	248
<i>R. L. Aczel</i> : Hungarian Studies in North America: The Hungarian Studies Review	260
<i>Ildikó Lehtinen</i> : Over 100 Years of Cooperation Between Finnish and Hungarian Museums	262
<i>András Kecskés</i> : Recent Trends in Hungarian Verse Research	267
<i>Vilmos Voigt</i> : Two Hundred Years of Teaching of Folklore at a Hungarian University	271

REVIEWS

Ein neues etymologisches Wörterbuch der uralischen Sprachen (György Lakó)	283
Gesta Hungarorum I. (Katalin Keveházi)	288
<i>Hála, József</i> ed.: Neogene Mineral Resources in the Carpathian Basin. Historical Studies on Their Utilization (Emese Kovács)	289
<i>Jeszenszky, Géza</i> : Az elveszett presztizs (Judit Kádár)	291

<i>Lahdelma, Tuomo</i> : Vapahtajaa etsimässä. Evankeliumit Endre Adyn lyriikan subtekstinä vuoteen 1908 (Vilmos Voigt)	294
If All the World Were a Blackbird. Poems by Sándor Weöres (George Gömöri)	295
<i>István, Erzsébet</i> : Volkstümliche Keramik aus Ungarn. Eine Ausstellung des Ethnographischen Museums (Kincsó Verebélyi)	296
<i>Vujkov, Balint</i> : Jabuka s dukatima. Narodne pripovijetke (Vilmos Voigt)	297
Remarks on a Graffiti Exhibition in Budapest (Géza Balázs)	298
Nemzetiségek Magyarországon I–II (Vilmos Voigt)	299

SHORT NOTICES ON PUBLICATIONS RECEIVED

Eminent Hungarian Scholars of the Past — A múlt magyar tudósai 1970–1983	301
Veröffentlichungen des Finnisch-ugrischen Seminars an der Universität München — Serie A., Die historischen Ortsnamen von Ungarn	305
Publications of Finnish-Hungarian folklore and ethnography symposia	306
Popolo, nazione e storia nella cultura italiana e ungherese dal 1789 al 1850	308
Magyar Könyvészet 1921–1944. III. Társadalomtudományok/2	309
<i>Lovag, Zsuzsa</i> : The Hungarian Crown and Other Regalia	311
<i>Fejérváry, Magda—Ratimorsky, Piroska—Trugly, Sándor</i> : A komáromi múzeum száz éve	312
Žitnoostrovské Múzeum — Csallóközi Múzeum	313
Örmény magyar bibliográfia magyar nyelven	313
Treasures of Hungary. Gold and Silver from the 9th to the 19th Century	314
<i>Vikár, László</i> : Collection of Finno-Ugrian and Turkic Folk Music in the Volga–Kama–Belaya Region	315
<i>Kretzoi, Charlotte</i> ed.: High and Low in American Culture	316

Articles appearing in this journal are abstracted and indexed in HISTORICAL ABSTRACTS and AMERICA: HISTORY AND LIFE.

УКРАИНСКО—ВЕНГЕРСКИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ (МЕЖДИАЛЕКТНЫЕ) СВЯЗИ

П. Н. ЛИЗАНЕЦ

Ужгородский государственный университет, Ужгород

Изучение межъязыковых (междиалектных) взаимовлияний является одной из важнейших задач лингвистической науки, ибо взаимовлияние языков является вполне реальным и объективным фактом действительности, мимо которого не может пройти лингвистическая наука. Несмотря на большую актуальность исследования проблемы межъязыкового (междиалектного) контактирования, она и поныне остается еще слабо изученной как в теоретическом, так и практическом плане. Только в последнее время появились отдельные работы, посвященные изучению межъязыковых контактов, но в них речь идет прежде всего о контактировании литературных языков¹, а междиалектному контактированию, которое лучше раскрывает историю контактирующих языков, материальную и духовную культуру народов, находящихся между собой и непосредственных связях, почти не уделяется внимания.

Понятие “Языковые контакты” трактуется исследователями по-разному. У. Вайнрайх, Э. Хауген, В. Ю Розенцвейг и другие рассматривают языковые контакты как периодическое использование двух или более языков одним и тем же лицом. Тем самым они суживают понятие языковых контактов до анализа билингвизма или мультилингвизма. Кроме того, они не проводят разницы между билингвизмом как процессом языковых контактов и билингвизмом, как их результатом, не изучают тех общественных явлений, которые способствовали возникновению двуязычия.

Безусловно, при определении понятия “Языковой контакт” большое внимание следует уделять и внеязыковым факторам (экономический и политический уклад, религия, материальная и духовная культура, история, этнография, психологический уклад и т. д.), ибо они в значительной мере стимулируют процесс языковых контактов. Исходя из сказанного, мы считаем возможным дать следующее определение: языковой контакт как реальный и необходимый факт действительности является общественным процессом, который характеризует межъязыковые отношения, основанные на единстве индивидуальных языковых фактов и фактов экстралингвистического характера.

Понятие “Языковые контакты” рассматривается нами в широком плане.

Сюда мы включаем разные языковые связи на разных уровнях, сложившиеся как между генеалогически родственными, типологически близкими, так и неродственными, типологически отдаленными языками (диалектами).

Вслед за Ю Жлуктенко² и другими исследователями мы разграничиваем несколько отчетливо выраженных типов языковых контактов, различных по своему характеру, стойкости и интенсивности: 1. *Казуальные* (временные) языковые контакты, основывающиеся на нерегулярном, эпизодическом общении языковых коллективов и 2. *Перманентные* (устойчивые) языковые контакты, наблюдаемые во время длительного интенсивного общения языковых коллективов. Перманентные языковые контакты, в свою очередь, делятся на *внешние* (когда языковые коллективы, входя в различные общественно-политические единства, размещены на смежных территориях и поддерживают между собой постоянные оживленные экономические, политические, культурные и другие связи) и *внутренние* языковые контакты (когда языковые коллективы, составляя одно общественно-политическое единство, живут на одной территории и ведут общее хозяйство, политическую и культурную жизнь).

Безусловно, при маргинальном контактировании территориальные размещение контактирующих коллективов играет важную роль, которая иногда подчиняется другим, более важным факторам, а именно: при внешнем и внутреннем контактировании языков большое внимание необходимо уделять характеру контактирующих языков, то есть тому, какой из контактирующих языков на данном этапе является государственным, господствующим языком, насильственно распространенным среди другого коллектива. Так, например, в течение 800 лет восточнославянское население Закарпатья находится в непосредственных языковых отношениях с венгерским населением, однако примерно до 1867 года контакт между этими языками был непосредственным, равноправным, естественным, то есть ни один из этих языков не имел привилегированного положения потому, что обе нации были одинаково угнетены австрийской монархией. В этот период заимствовались самые необходимые слова как одним, так и другим языком и они обогащали их словарный состав. Однако вследствие подъема национально-освободительных движений XIX-ого века Австрийская империя претерпела кризис и была вынуждена пойти на некоторые уступки. В 1867 году был принят австро-венгерский дуализм, превративший монархию в австро-венгерскую империю.

В результате этих политических перемен венгерский язык становится государственным, с 1879 года он стал обязательной дисциплиной во всех без исключения школах теперешнего Закарпатья. Понятно, что привилегированное положение венгерского языка в корне изменило характер контактирования языков. Значительно возрастает в украинских говорах Закарпатья количество

лексических заимствований из венгерского языка за счет общественно-политической, юридической и финансовой лексики. Лексические венгеризмы проникают не только в результате непосредственного общения людей между собой, но и заимствовались через школу, различные государственные учреждения и книжным путем. Все это свидетельствует о том, что территориальное размещение контактирующих языков не всегда явилось определяющим. Подтверждением этой точки зрения может служить и то, что украинское население закарпатья находится в таких же непосредственных языковых контактах со словаками и румынами, однако эти языки, не будучи государственными, господствующими в закарпатье, не оказали сколько-нибудь заметного влияния на исследуемые украинские говоры. Таким образом, при внешнем и внутреннем контактировании языков большое внимание необходимо уделять характеру взаимного общения контактирующих сторон, то есть тому, контактируют ли между собой равноправные языки или один из контактирующих языков на данном этапе является господствующим, привилегированным языком.

При рассмотрении языкового контактирования особый интерес представляет также выяснение характера лексических заимствований и их типов. Большинство языковедов (Ш. Балли, А. Мейе, Э. Сепир, Ж. Вандриес, Ф. Фортунатов, И. Н. Бодуен де Куртенэ и другие) отмечает, что лексическое заимствование всегда было нормальной функцией лингвистической жизни, что заимствования присущи каждому языку. Отрицать этого, подобно Фердинанду де Соссюру, нельзя, ибо это означало бы отрицание тех тесных экономических, политических и культурных взаимосвязей, которые реально существуют между разными народами и в результате которых происходило лексическое взаимопроникновение.

Выяснению сущности языковых заимствований языковеды посвятили ряд трудов, однако в научной литературе (с точки зрения таких ученых, как В. Пизани, Г. Барци, Е. В. Кротевич и Н. С. Родзевич, Л. Л. Крысин, Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский, Ж. Марузо, Р. Якобсон, Э. Хауген, Л. Деруа, У. Вайнрайх, Л. П. Ефремов и другие) и по сегодня нет полного определения заимствования.

Заимствование слов не может автоматически включаться в воспринимающий язык. Заимствование неразрывно связано с активным воздействием языка на то, что он заимствует из внешнего источника, то есть с преобразованием, переделкой заимствованного слова прежде всего в фонетическом отношении и придания ему его грамматического оформления по законам грамматики заимствующего языка. Исходя из этого, мы предлагаем следующее определение: лексические заимствования — это длительный языковой процесс, в результате которого слова (и их структурные элементы) одного языка постепенно усваиваются системой другого языка в результате языковых, экономических

и культурных отношений разных народов. Мы различаем пять типов заимствований: 1) *лексическое*; 2) *фонологическое*; 3) *морфологическое* (заимствование морфем происходит, разумеется, в составе слова); 4) *синтаксическое* и 5) *семантическое*. Лексическое заимствование является наиболее типичным и регулярным видом заимствования.

Языковеды (С. К. Булич, Л. П. Якубинский, Е. Курилович, Ю. А. Жлуктенко и другие) выделяют ряд мотивов, способствующих перенесению иноязычной лексики, однако от их внимания ускользнули такие факторы, как 1) стремление заменить собственные описательные наименования односоставными иноязычными наименованиями; 2) стремление к устранению полисемии традиционных слов; 3) стремление уточнить, детализировать отдельные понятия.

Основным условием перехода слов из одного языка в другой является наличие двуязычия. Следует, однако, отметить, что слово, перейдя из одного языка в другой в результате двуязычия, еще не усвоено заимствующим языком. Процесс его полного усвоения проходит постепенно и завершается тогда, когда слово усвоено значительным количеством людей и начинает закреплять свои позиции в том языке, который его заимствовал.

В лингвистической литературе было сделано немало попыток дать классификацию типов (видов) билингвизма. Однако обнаруживается большое расхождение во взглядах исследователей по этому вопросу. Это прежде всего объясняется субъективным подходом языковедов к выяснению данного вопроса. Одни ученые на первый план выдвигали лингвистический, другие — психологический или иные принципы. Мы же полагаем, что в процессе изучения двуязычия необходимо стремиться к тесной увязке психологического аспекта исследования с лингвистическим. Мы различаем следующие основные типы билингвизма: *активный и пассивный, начальный и полный, индивидуальный и групповой (или массовый), искусственный и естественный, смешанный и несмешанный, контактный и неконтактный*.

Мы выделяем два подтипа украинско—венгерского и венгерско—украинского билингвизма: 1) языковая интерференция между венгерским монолингвистическим индивидом и двуязычием украинского индивида; 2) языковая интерференция между венгерским монолингвистическим индивидом и двуязычием украинской этнической группы. Весьма редко (только в селах со смешанным населением) отмечается языковая интерференция между двуязычием украинского индивида и украинской этнической группой и двуязычием венгерского индивида или венгерской этнической группы. В углублении этих подтипов билингвизма определенную роль играли и экстралингвистические факторы, среди которых видное место принадлежало церкви и административным факторам.

Таким образом, только при учете как лингвистических, так и внелингвисти-

ческих факторов можно решить ряд проблемных вопросов, связанных с рассмотрением межъязыкового контактирования.³

Понятно, что межъязыковые контакты можно изучать только в неразрывной связи с историей соответствующих народов, с учетом этапа общественного развития, на котором эти народы находятся, а также с учетом лингвистической специфики взаимодействующих языков и наличия, либо отсутствия между ними родства. В. И. Ленин придавал большое значение историческим фактам при решении тех или иных вопросов: „Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь”⁴, и далее: „Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически, (β) лишь в связи с другими, (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории”.⁵ Исходя из этих ленинских положений, мы рассматриваем украинско-венгерские межъязыковые (междиалектные) контакты в их историческом развитии, т.е. на протяжении всей предыстории и истории формирования этих языков.

Известно, что восточные славяне отделились от других славян примерно в IV—VI вв. н. э. и занимали территорию от Карпат на северо-восток через р. Днепр до р. Волги выше Новгорода. К восточнославянским племенам принадлежали: поляне, древляне, дулебы, уличи, северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, кривичи, ильменские славяне и белые хорваты. Этнические связи венгерских племен были только с теми восточнославянскими племенами, которые жили в полосе лесостепи. По свидетельству Б. Грекова⁶, эти восточнославянские племена уже находились на начальной стадии государственной формации. К числу таких племен, находившихся в непосредственных контактах с венгерскими племенами, относились поляне, северяне и вятичи. Эти племена жили в степной полосе, и именно по их территории проходили венгерские племена. Среди них на более высокой степени развития находились поляне, на территории которых в течение IX в. образуется государство. Многие исследователи считали, что венгерские племена появились в степях на север от Черного моря в 30-х годах IX в.⁷ Из этого утверждения следует, что венгры находились в контактах с восточными славянами до 80-х годов IX в., то есть на протяжении 50 лет. Однако, новейшие данные лингвистики и археологии дают основания предполагать что венгерские племена значительно раньше вошли в контакт с восточными славянами. Так, Янош Мелих⁸ считает, что словом *qgre > ugrī* славяне называли

оногуров, а позднее венгров. В VI—VII в союз оногуров распался и с VI по VIII в. слово *ogre* > *ugri*, видимо, использовалось для называния венгров. Бернат Мункачи также указывал, что восточные славяне в начале IX в. еще произносили носовые гласные и поэтому только от них, а не в Паннонии слышали венгры впервые это название.⁹ И. Перени приходит к выводу, что славянское название „венгры” могло возникнуть в период последних десятилетий VI века до начала VIII в.¹⁰

В различных арабских источниках упоминается, что венгров было много пахотной земли. Как известно, одна часть лексики земледельческой культуры древних венгров тюркского, а другая часть — славянского происхождения. Это значит, что венгерские племена уже находились в контактах с восточнославянскими племенами, у которых, как отмечает подавляющее большинство венгерских исследователей, земледельческая культура, рыболовство и скотоводство были наверно значительно выше, чем у венгров.¹¹

Сейчас все сходятся на том, что венгерские племена находились в непосредственных контактах с восточными славянами и в первую очередь с предками современного украинского населения. Следует только на основании научных данных решить вопрос, как долго продолжались эти контакты и что представляли собой в то время венгерские племена в языковом отношении.

И. Перени указывает, что венгерские племена не были едины ни с этнической, ни с языковой стороны, и венгерский язык представляли только те элементы, которые были объединены в племя *медьер* (*megyer*). Он предполагает, что местом, где члены племенного союза уже говорили только на одном или двух языках, была территория между Волгой и Доном. Между V—IX вв. на этой территории не упоминается какой-нибудь другой народ. Эта территория с географической точки зрения была очень выгодна для полукочевой хозяйственной жизни венгров. Если венгры обитали здесь, то, наверняка, контактирование их с восточнославянским племенем вятичей состоялось уже в VII в.¹² Примерно в конце VII в. дунайские булгары ушли с побережья Черного моря, а на опустевшие причерноморские степи, перейдя Дон, переселились венгерские племена, которые вступили в контакты с новым восточнославянским племенем — северянами, а позднее, примерно в начале IX в., с полянами. Столь продолжительная кочевка от северян к полянам объясняется тем, что занятие степей проходило довольно медленно. Кроме того, поляне уже имели государственную организацию и не так легко было пройти эту территорию. Следовательно, контакты венгерских племен с восточнославянскими племенами были, наверное, более продолжительными, чем на это указывали раньше исследователи, т.е. эти контакты могли продолжаться 250—300 лет. И сам И. Перени приходит к подобному выводу, отмечая, что если „... пересмотрим лингвистические и этнографические данные, свидетельствующие о соприкоснове-

нии венгров с восточными славянами их с данными, имеющимися в арабских источниках, то можем установить, что связи между обеими народами были более тесными и более многогранными и, главным образом, более продолжительными, чем до сих пор предполагали наши языковеды, историки и другие специалисты, занимающиеся древней историей венгров".¹³

Безусловно, полный ответ на этот вопрос можно будет дать после обстоятельного исследования славянских заимствований в области венгерской земледельческой терминологии и глубокого изучения земледельческой культуры восточных славян VII—IX вв. а также рыболовецкой терминологии. Но и теперь, при нынешнем состоянии исследования этих вопросов как в лингвистическом, так и в этнографическом, а также археологическом аспектах, большинство исследователей признает, что венгерские племена до прихода на свою собственную территорию проживания находились в довольно продолжительных контактах с восточнославянскими племенами и переняли у последних целый ряд слов.

К восточнославянизмам в венгерском языке можно отнести следующие слова: в. [венгерское] *hab* > др. [древнерусское] *бобъ* „боб“, в. *borona* < др. *борона* „борона“, в. *cseléd* < др. *челдь* „слуги“, в. *dinnye* < др. *диня* „арбуз“, в. *halom* < др. *хальмъ* „гроб, холм“, в. *igric* < др. *игрьць* „музыкант“, в. *ikra* < др. *икра* „икра“, в. *iszap* < др. *исъть* „мелководье“, в. *jász* < др. народ „Ясы“, в. *kerecset* < др. *кречеть* „цикада“, в. *lengyel* < др. *ладжань* „поляк“, в. *naszád* < др. *насадъ* „вид судна“, в. *rab* < др. *рабъ* „раб“, „невольник“, в. *rozs* < др. *ржь* „рожь“, в. *szégye* < др. *сѣджа* „рыболовная сеть“, в. *szin* < др. *сѣнь* „навес“, в. *szolga* < др. *слуга* „слуга“, „служитель“, в. *taliga* < др. *телѣца* „двухколесная повозка“, в. *tanua* < др. *тоня* „место, где ловят рыбу“, в. *tár* < др. *товарь* „обоз, богатство, деньги“, в. *vajda, vojevoda* < др. *вождя* вождь, военачальник, ист. воевода“, в. *veréb* < *верей* „воробей“, в. *zsir* < др. *жирь* „жир“ и другие.¹⁴

Ряд языковедов (Б. Мункачи, Г. Барци) склонны считать восточнославянизмами и целый ряд слов со старыми носовыми гласными типа: *abroncs* „обруч, обод“, *bolond* „глупый, сумасшедший“, *donga* „клепка (бочки)“, *dorong* „дрючо“, *galamb* „голубь“, *gerenda* „бревно, балка“, *gerendely* „градиль“, *gomba* „гриб“, *goromba* „грубый“, *göndör* „кудрявый“, *korong* „диск“, *munka* „работа“, *péntek* „пятница“, *porond* „песок“, *rend* „ряд“, *szelemen* „прогон“, *szent* „святой“, *szombat* „суббота“, *tompa* „тупой“ и некоторые другие. Однако, этот вопрос на сегодня считается спорным и ждет своего решения. Во всяком случае, часть этих слов, как нам кажется, несомненно вошла в венгерский язык еще до X столетия, т.е. до прихода венгерских племен на современную территорию их проживания.

О приходе венгров на современную территорию летопись Нестора от 898 г. говорит следующее: „Пришедшие от востока и устремившася чрез горы великия, яже прозвашася горы Угорския, и почаша воевати на живущая ту Волохи и землю Словенську. Сядяху бо ту преже Словении, и Волхове прияша

землю Словенську, посеми же угры погнаша Вольхи и наследиша землю ту, и седома с Словени, покориши я подь ся, и оттоле прозвася земля Угорська. И начаша воевати Угры и Греки, и поплениша землю фракську и македонську тоже и до Селуня; и начаша воевати на Мораву и Чехи. . . ”¹⁵ Летопись ничего не говорит о том, какие здесь жили славяне и на какой стадии своего общественно-го развития они находились, но у венгерского историка Анонима читаем: „Спустившись с Карпат, около Мукачева, венгры встретили славян и болгар, которыми правил князь Салан”¹⁶. Венгерский историк и географ Д. Дьерфи отмечает: „Данные топонимов этой территории указывают на то, что как на равнине, так и в предгорье венгры нашли значительное количество славянского населения”.¹⁷ Это мнение подтверждают и новейшие исследования советских ученых. Таким образом, сегодня уже считается неоспоримым фактом, что Закарпатье в конце IX в. было заселено славянами и не было безлюдной территорией. По-видимому, наряду с другими славянскими племенами (западными и южными) в северных районах Закарпатья проживали и предки восточных славян (позднее украинцы).

Заселяя постепенно новые территории на северо-восток, венгры оставили Карпаты, продвинулись за Тису и прошли дальше, затем в поисках новой незаселенной территории постепенно возвращаются назад и где-то в XII в. вступают на территории Закарпатья по течению р. Тисы, Латорицы и Боржавы в непосредственные и продолжительные контакты с восточными славянами, т.е. с предками современного украинского населения. Вследствие таких контактов постепенно между двумя языками и их говорами происходит взаимовлияние в результате которого много украинских слов вошло в соседние венгерские говоры и наоборот, значительное количество венгерских слов — в соседние украинские говоры Закарпатья. Среди украинизмов в венгерском языке и его говорах можно отметить следующие: в [венгерское] *babájka* < у. [диалектное украинское] *бобал'ка* „клецка, род галушок, приготовленных к Рождеству”, в. *berbenyca* < у. *бербешиц'а* „боченок (чаще всего для овечьего сыра)”: в. *bida* < у. *бида* „беда, несчастье”, в. *bráha* < у. *брага* „род напитка из просяного солода”, в. *branka* < у. *бранка* „составная часть ткацкого станка”, в. *burjan* < у. *бур'ан* „сорная трава”, в. *butyka* < у. *бут'ка* „будка для собаки”, в. *cerkôu* < у. *цир'ков* „церковь”, в. *cipke* < у. *ціпки* „составная часть ткацкого станка”, в. *csekáj* < у. *чекай* „межд. от глагола ждать (чекати)”, в. *csereda* < у. *чепеда* „стадо большого рогатого скота”, в. *cseresz* < у. *чепес* „широкий кожаный пояс с прикрасами”, в. *csorpák* < у. *черпак* „большая деревянная ложка для набирания воды”, в. *cservinka* < у. *червінка* „дизентерия”, в. *drácska* < у. *драчка* „колючка”, в. *csinál* < у. *чинити* „что-нибудь делать”, в. *durnyi* < у. *дурний* „дурак”, в. *dzobál* < у. *дз'обати* „клевать”, в. *het* < у. *гет* „прочь”, в. *harisnya* < у. *холоши'и* „штаны из домотканного сукна”, в. *kalatajka* < у. *коломыйка* „особый вид песен на

гуцульщине”, в. *kocsány* < у. *кочан* 1) „кочан капусты”; 2) „початок кукурузы”, в. *kocserba* < у. *кочерга* „кочерга”, в. *kopácska* < у. *копачка* „кирка”, в. *karamizlo* < у. *коромысло* „коромысло”, в. *kozel* < у. *козел* „стог соломы”, в. *kazák* < у. *козак* „козак”, в. *kupcs* < у. *купиц* „купец”, в. *kutacs* < у. *кутач* „маленькая железная кочережка”, в. *lopátka* < у. *лопатка* „молодой стручок фасоли”, в. *morkó* < у. *морков* „морковь”, в. *pászta* < у. *пасмо* „пасмо, мера ниток”, в. *rózna, ravuzina* < у. *навзны, навузны* „стропила на соломяной крыше хаты”, в. *páskuda* < у. *паскуда* „дрянь, пакостник”, в. *pelenka* < у. *пеленка* „пеленки”, в. *potroh* < у. *потрохи* „внутренности животных”, в. *piroha* < у. *пироги* „вареники”, в. *polonina* < у. *полонина* „пастбище на вершинах гор”, в. *pratal* < у. *пр'атати* „прятать”, в. *prisztás* < у. *пришташ* „жених, который после свадьбы перебирается жить к родителям невесты”, в. *pušpinka* < у. *пушпинки* „гриб опенок”, в. *rakovina* < у. *роковина* „подать, которую ежегодно платили верующие священнику”, в. *szerbál* < у. *сербати* „хлебасть”, в. *szirota* < у. *сирота* „сирота”, в. *szkotár* < у. *скотар* „скотник, пастух рогатого скота”, в. *susinka* < у. *шушинка* „сухофрукты”, в. *tákoj* < у. *такой* „сразу”, в. *tákyj* < у. *такий* „такой”, в. *vecsurka* < у. *веручки* „вечерницы”, в. *zaha* < у. *зага* „изжога”, в. *zamiska* < у. *замиска* „еда, приготовленная из кукурузяной муки”, в. *zavadzsál* < у. *завадж'ати* „мещать кому-нибудь”, в. *zolya* < у. *зола* „зола, пепел”, и т. д. Следует отметить, что в словарном составе венгерских говоров имеется ряд украинизмов-неологизмов, заимствованных после освобождения Закарпатья Советской Армией и установления Советской власти в области (1944). Это главным образом слова, связанные с учреждениями Советской власти (*szilrada, vikonkom, finvigyl*), сельским хозяйством (*artil, holova, lánkovi*), со школой (*csodennyik, vozsata*), бытовой лексикой (*horilka, hreckska, pufájka, májka, bulocska*) и другие.¹⁸

Конечно, что при продолжительном контактировании венгров со славянским населением влияние было не односторонним, а обоюдным, т.е. целый ряд венгерских слов вошёл в славянские языки и их говоры. Проникновение венгерских слов началось несколько позже, т.е. в период, когда венгерские племена, ведя оседлый образ жизни, начали производить новые орудия труда, усовершенствовали старые, а это привело к появлению новых понятий, реалий, наименования которых перешли и в славянские языки. Самое большое влияние оказал венгерский язык на украинские говоры Закарпатья, восточнословацкие говоры и северо-восточные говоры сербохорватского языка. Литературные же языки (украинский, словацкий, сербохорватский) какого-нибудь заметного влияния со стороны венгерского языка не ощутили, в то время, как влияние славянских языков на венгерский литературный язык было достаточно значительным.¹⁹

Из древних венгерских заимствований в восточнославянских языках (древне-

русском языке) можно отметить слова: др. *шишакъ* < в. *sisak* „шлем”, „каска”; др. *шатерь* < в. *sátor* „шатер, чум”; др. *хотарь* < в. *határ* „территория села, рубеж” и некоторые другие.²⁰

Достаточно значительное количество венгерских заимствований находим в соседних украинских говорах Закарпатья. Более 90 % всех венгерских заимствований вошло в контактирующие украинские говоры Закарпатья непосредственно из соседних венгерских говоров. Это в первую очередь слова, обозначающие названия предметов, признаков, связанных с бытом людей, их внешними и внутренними особенностями, сельским хозяйством, народной метрологией, верованиями, обрядами и обычаями, животноводством, растениеводством и т. д.

Книжным путем проникала незначительная часть венгеризмов преимущественно через переводную литературу, различные официальные государственные документы, школу и военные предписания. Следует отметить, что венгерские заимствования не всегда приносят с собой новые понятия, а используются в языке параллельно с другими словами, обозначавшими раньше эти понятия, образуя, таким образом, синонимический ряд, напр. *вішак* и *фогош*: *вішак* — „вешалка с деревянными колышками” и *фогош* (< в. *fogas*) — „вешалка более красивой конструкции, изготовленная фабричным способом”; *столина* и *фійовка*: *столина* — „выдвижной ящик в столе, изготовленный самодельным способом” и *фійовка* (< в. *fiók*) — „выдвижной ящик стола, шкафа лучшей конструкции, изготовленный фабричным способом” и т. д. Среди венгеризмов в украинских говорах Закарпатья выделяем 29 основных семантико-тематических групп и 152 подгрупп. Наибольшей среди тематических групп является бытовая лексика, включающая в себе около 23 % слов от всех заимствований. Кроме того, данные тематической группировки способствуют также выяснению вопроса о количественном соотношении различных частей речи среди лексических заимствований. В этом отношении на первом месте находятся существительные (85,3 %), значительно меньше глаголов (8,8 %), прилагательных (3,2 %), наречий (1,6 %), междометий (0,8 %), союзов (0,2 %) и частиц (0,1 %). Числительных и местоимений среди венгеризмов нет.

Из семантической точки зрения венгеризмы в украинских говорах Закарпатья и украинизмы в венгерских говорах Закарпатья можно рассматривать в трех аспектах: а) по объему их лексико-грамматического значения; б) по мотивации заимствования нового лексического значения и вытекающему из него характера семантики; в) по соотношению семантики в заимствующем языке и в языке-передатчике.

По объему лексико-грамматического значения заимствования разделяются на однозначные (моносемантические) и многозначные (полисемантические).

По мотивации заимствования нового лексического значения можно выделить

три основные группы: 1) заимствования, называющие новые, до того не известные в языке (говорах) понятия. Заимствование этих слов вызвано коммуникативной необходимостью, т.е. необходимостью дать название новоузнанным предметам, явлениям, которые являются их единственными названиями, т.е. литературных эквивалентов не имеют, или же имеют такое литературное соответствие, которое исследуемым говорам не известно и в разговорной речи не употребляется; 2) заимствования, совпадающие по смыслу с уже известными для исследуемых говоров традиционными словами и выступают как лексические дублеты, напр. в украинских говорах *višák* — *фогош* (< венг. *fogas*) „вешалка”, в венгерских говорах: *bódeĭ*, *butyka* (< укр. диал. *бутька*) „будка для собаки”; 3) заимствования субъективной оценки: *хитрый* — *гамішний* (< венг. *hamis*) „хитрый”; *bolond* — *durnyi* (< укр. *дурний* „дурак”).

По соотношению семантики в заимствующем языке и в языке-передатчике заимствования (венгеризмы и украинизмы) можно разделить на 6 групп: 1) заимствования, которые в языке-источнике были полисемантическими и в основном те же значения сохранили и в заимствующем языке; 2) слова, которые на почве заимствующего языка развили новые значения, неизвестные языку-передатчику; 3) заимствования, которые в языке-источнике являются полисемантическими, а в исследуемые говоры вошли только с одним (главным образом основным) значением; 4) заимствования, которые в языке-источнике выступают с более широким, общим значением, а перейдя в заимствующий язык (говоры), они сужают свое значение; 5) слова, которые на почве заимствующих говоров расширили свою семантику и 6) заимствования, которые в языке-передатчике утратили свою первоначальную семантику, а в заимствующем языке она сохранилась. Следует также отметить, что при семантической субституции заимствованных слов могут изменять или модифицировать свои значения и некоторые традиционные слова.²¹

Среди наиболее распространенных венгеризмов в украинских говорах Закарпатья можно назвать следующие: у. *алдомаш* < в. *áldomás* „могорыч”, у. *аллаш* < в. *állás* „1) леса; 2) временный навес для сельскохозяйственного инвентаря; 3) общее название какой-либо должности”; у. *аполовка* < в. *ápolónő* „медицинская сестра, санитарка”; у. *аршів* < в. *ásó* „заступ”, „лопата”, „орудие для вскапывания земли”, у. *багов* < в. *bagó* „жевательный табак”, у. *бадог* < в. *bádog* 1) обычная цинковая жесь; 2) жестяной сосуд для керосина; 3) обычная нецинковая жесь; 4) жестяная кружка для питья воды, у. *байусы* < в. *bajusz* „1) усы; 2) ость (пшеницы, овса и т. д.); 3) росток, побег, усики винограда”; у. *балта* < в. *balta* „топор”, у. *бановати* < в. *bán* „печалиться, грустить, жалеть”, у. *бантовати* < в. *bánt* „трогать, беспокоить кого-нибудь”, у. *бачі* < в. *bácsi* „дядя” (форма обращения к мужчинам старшего возраста), у. *бет'ар* < в. *betyár* „1) жулик, разбойник, сорвиголова; 2) сильный отважный человек”, у. *бизовати*

< в. *bizik* „доверять, положиться на кого-либо”, у. *бийлиш* < в. *bélés* „подкладка”, у. *бирив* < в. *biró* „сельский староста”, у. *бировати* < в. *bir* „мочь, быть в состоянии”, у. *бирфа* < в. *bérfa* „боковая доска повозки в виде лестницы”, у. *биманга* < в. *bitang* „бродяга, лентяй, дебошир”, у. *боет* < в. *bóyt* „1) магазин; 2) торговая сделка, у. *боганчи* < в. *bakancs* „тяжелые ботинки”, у. *босоркан'а* < в. *boszorkány* 1) ведьма, баба-яга; 2) колдунья”, у. *вам, вама* < в. *vám* „1) таможенная; 2) пошлина; 3) мера, мерка, плата за помол”, у. *варош* < в. *város* „1) город; 2) центр села”, у. *вашар* < в. *vásár* „рынок, базар”; у. *видийк* < в. *vidék* „1) окрестность; 2) территория соседнего села”, у. *гайдук* < в. *hajdú* „воин, истор. гайдук”, у. *гайов* > в. *hajóu* „лодка, судно”, у. *гамшиний* < в. *hamis* „фальшивый, хитрый”, у. *гитовка* < в. *hintóu* „качалка”, у. *гордів* < в. *hordóu* „бочка”, у. *гусар* < в. *huszár* „гусар, кавалерист”, у. *газда* < в. *gazda* „1) хозяин; 2) богатей; 3) муж, супруг”, у. *гати* < в. *gatyá* 1) кальсоны; 2) штаны из домотканного полотна”, у. *геренда* < в. *gerenda* 1) одна из трех-четырех поперечных балок в деревянном потолке дома; 2) продольная балка в деревянном потолке дома”, у. *гуляш* < в. *gulyás* „суп-гуляш”, у. *дереш* < в. *deres* „1) конь светлой серой масти; 2) скамья для побоев”, у. *доган* < в. *dohány* „табак”, у. *доломан* < в. *dolmány* „длинное пальто с петлями — венгерская праздничная одежда”, у. *дуна* < в. *dunna* „перина”, у. *жеб* < в. *zseb* „карман”, у. *живан'* < в. *zsivány* „1) физически сильный человек; 2) разбойник”, у. *инпен* < в. *éppen* „как раз, именно, только-что”, у. *кобат* < в. *kabát* „1) пальто; 2) женская юбка”, у. *калан* < в. *kalap* „шляпа”, у. *катуна* < в. *katona* „солдат”, у. *кел'чиг* < в. *költség* „1) пища; 2) расходы”, у. *кефа* < в. *kefe* „щетка для чистки одежды и обуви”, у. *кифлик* < в. *kifli* „рогалик”, у. *ковдош* < в. *kóvdus* „нищий”, у. *конт'а* < в. *kontu* „заложенная коса (у женщин)”, у. *копча* < в. *karocs* „1) металлическая застежка на одежде; 2) приколка для волос”, у. *кофа* < в. *kofa* „торговка, перекупка”, у. *лабош* < в. *lábás* „сковородка”, у. *левеш* < в. *leves* „мясной суп”, у. *легін'* < в. *legény* „1) юноша, парень; 2) любимый”, у. *лингар'* < в. *lingár* „сорванец, висельник, разбойник”, у. *луйтра* < в. *létra* „1) лестница; 2) грядка в телеге”, у. *марадик* < в. *maradék* „остаток отары овец”, у. *можар* < в. *mozsár* „медная ступка”, у. *надраги* < в. *nadrág* „брюки, штаны”, у. *напсамош* < в. *napszamos* „поденщик”, у. *ниїни* < в. *néni* „тетка, тетьа (форма обращения к женщинам старшего возраста или к незнакомой женщине)”, у. *оков* < в. *akóu* „мера веса, приравнивавшаяся к 2/3 венского фунта”, у. *оргона* < в. *orgona* „сирень”, у. *орсаг* < в. *országút* „шоссе”, у. *падлаш* < в. *padlás* „1) дощаной потолок в доме; 2) дощаной пол в доме; 3) дощаной пол в хлеву”, у. *панучи* < в. *papucs* „тапочки”, у. *пипа* < в. *pipa* „трубка (для курения)”, у. *пайташ* < в. *pajtás* „друг, приятель”, у. *приїзли* < в. *prézli* „панировочные сухари”, у. *пул'ка* < в. *pulyka* „индюк, индюшка”, у. *пушка* < в. *puska* „винтовка”, у. *п'анда* < в. *rongy* „тряпка, лоскут, ветошь”, у. *панташ* < в. *rántás* „заправка, подболтка”, у. *пантома* < в. *rántotta* „яичница”, у. *поштий* <

в. *rostély* „1) решетки на окнах; 2) забор из штахет; 3) железная изгородь вокруг церкви”, у. *cabiv* < в. *szabóu* „портной”, у. *серсама* < в. *szerszám* „орудие, инструмент”, у. *сивет* < в. *szövet* „шерсть, материал из шерсти”, у. *сомар* < в. *szamár* „осел”, у. *тапапа* < в. *talp* „1) подошва обуви; 2) перен. глупый человек”, у. *тенгеруц’а* < в. *tengeri* „кукуруза”, у. *тивчар* < в. *tűcsér* „лейка”, у. *фаума* < в. *fajta* „вид, порода”, у. *фалка* < в. *falka* „стая овец, отделившаяся оза стада”, у. *фийса* < в. *fejsze* „топор-колун”, у. *фийовка* < в. *fiók* „1) ящик в столе; 2) ящик в кухонном шкафу”, у. *фипиц* < в. *fűrész* „пила, пилка”, у. *фогош* < в. *fogas* „вешалка”, у. *хосен* < в. *haszon* „польза, выгода”, у. *церица* < в. *ceruza* „карандаш”, у. *цибзар* < в. *cipzár* „застежка, замочек-молния”, у. *цибора* < в. *csimbora* „друг, товарищ, приятель”, у. *чивдар* < в. *csődör* „жеребец”, у. *чижмы* < в. *csizma* „сапоги”, у. *чотырна* < в. *csatorna* „водосточная труба”, у. *шаркан* < в. *sárkány* „1) змей; 2) бумажный змей, дракон”, у. *шкатул’а* < в. *skatulya* „шкатулка для хранения ценностей”, у. *шонка* < в. *sonka* „окорок”, у. *шор* < в. *sor* „ряд”, у. *шпор* < в. *spór* „цельнометаллическая или каменная плита”, у. *шуга* < в. *soha* „никогда” (употребляется чаще всего в сочетании „нигда шуга), — у. *шугар* < в. *sugár* „вол светлой масти” и целый ряд других.

Большое количество венгеризмов в украинских говорах Закарпатья в области бытовой лексики картографировано нами на 530 лингвистических картах, среди которых 410 лексических, 77 семантических, 27 карт-изоглосс и 16 сводных карт.²²

Несмотря на наличие венгерских заимствований в украинских говорах Закарпатья и украинских заимствований в венгерских говорах Закарпатья, следует отметить что традиционная лексика этих языков (говоров) очень богатая, многовариантная и самобытная. Однако, многовековая совместная экономическая, политическая и культурная жизнь украинцев Закарпатья и венгров, и в первую очередь постоянное общение между ними не могли не содействовать и проникновению целого ряда заимствований. Большинство этих заимствований обозначает предметы, понятия, действия, связанные с повседневной жизнью людей, а также с конкретными аспектами культурно-исторического взаимоотношения украинцев и венгров и имеют определенное этнографическое значение, так как помогают лучше представить те области материальной и духовной культуры, в которых украинцы и венгры находились в тесных контактах, и вследствие определенных обстоятельств могли влиять друг на друга. Так, например, собранный нами лексический материал, касающийся венгерско-украинских междиалектных контактов, дает основания утверждать, что высокая культура украинцев в строительстве деревянного жилья оказала определенное влияние на строительную культуру венгров: у. диал. *рог, руг, роги* > в. *rag* „составная часть кровли хаты”, у. *селемею* > в. *szelemen(fa)* „одна из поперечных балок в деревянном потолке хаты”, у. *српиха* > в. диал. *iszterha*,

isztorha „карниз под крышей”, у. диал. *кобила, кобилина* > в. диал. *kabala, kabyla* „стропила, которыми скрепляют соломенные кровли хат”, у. диал. *навза, навузина* > в. диал. *rózna, ravuzina* „стропила, которыми скрепляют соломенные кровли хат”, у. диал. *обора, оборуг* > в. *abora* „навес, соломенная кровля на столбах для хранения сена” и другие. В свою очередь, часть лексики, связанная со строительством жилья из кирпича и камня, украинцы Закарпатья переняли у венгров: в. *garádics* < у. диал. *gapaóici* „лестница, ступеньки”, в. *tégla* < у. диал. *мигла, мийгла* „кирпич”, в. диал. *forgatóú* > у. диал. *форгима* „дверная ручка”, в. диал. *szegelet* > у. диал. *сегелет* „внешний или внутренний угол дома”, в. *tornác* > у. диал. *торнац, торнадц* „полукруглое крыльцо вдоль крестьянского дома”, в. *csatorna* > у. диал. *чотырня* „водосточная труба” и другие. Или, например, ткацкую лексику венгры позаимствовали у славян, в том числе и от украинского населения Закарпатья: у. *бердо* > в. *borda*, у. *бранка* > в. *bránka*, у. *човник* > в. диал. *esóunak*, у. *цпнки* > в. *cipke* „составные части ткацкого станка”, у. *кужиль* > в. *kuzsaj* „прялка”, у. *пасмо* > в. *pászma* „пасмо, мера ниток” и т. д., а лексику, связанную с возделыванием и обработкой табака, украинское население Закарпатья в основном усвоило у венгров: в. диал. *dohán* > у. диал. *доган* „табак”, в. *melegágy* > у. диал. *мелегад'* „теплица для выращивания рассады табака”, в. *simít* > у. диал. *шимитовати* „гладить табачные листья” и ряд других.

Такие заимствования обогащают лексику контактирующих говоров и проливают свет на историю и культуру народов, которые длительное время непосредственно связаны между собой. Интересно в этом отношении вспомнить слова Э. Сепира „... каждая новая культурная волна приносила с собой груз лексических заимствований. Тщательное изучение таких заимствованных слов может служить интересным комментарием к истории культуры. Роль различных народов в развитии и распространении культурных ценностей можно почти в точности установить путем выяснения, в какой мере их лексика просасивалась в лексику других народов”.²³

Библиография

1. СМ. Ю. О. Жлуктенко: *Українсько-англійські міжмовні відносини. Українська мова в США і Канаді*. Київ, 1964; Его же: *Мовні контакти*. Київ, 1966; Т. П. Ильяшенко: *Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений*. Москва, 1970; Г. П. Іжакевич: *Українсько-російські мовні зв'язки радянського часу*. Київ, 1969; В. Ю. Розенцвейг: *Языковые контакты*. Ленинград, 1972; Г. Шухардт: *К вопросу о языковом смешении. — Избранные статьи по языкознанию*. Москва, 1950; Е. Хауген: *The Norwegian Language in America*. Philadelphia, 1953; U. Weinreich: *Languages in Contact*. New York, 1953. Перевод на русский: *Языковые контакты*. Киев, 1973 и др.
2. Ю. О. Жлуктенко: *Мовні контакти*. стр. 7.
3. Более детально об этом см. П. М. Лизанец: *Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межъязыковые связи*. Издательство Академии Наук Венгрии. Будапешт, 1976, стр. 164—183.

4. Ленин В. И.: О государстве. *Сочинения*, т. 29, стр. 436.
5. Ленин В. И.: Инессе Арманд. *Сочинения*, т. 35, стр. 200.
6. Б. Д. Греков: Генезис феодализма в России в свете учения Сталина о базисе и надстройке. — *Вопросы истории*, 1952, № 5, стр. 34.
7. Gunda, Béla: Etnografické vzťahy medzi ukrajinci a maďary, in: *Sbornik družby pěti bratských universit*. Praha, 1966. S. 106.
8. Melich, János: Über der Ursprung des Namens Ungar, in: *Archiv für slavische Philologie*, XXXVIII. S. 244—250.
9. Munkácsi, Bernát: A magyar—szláv etnikai érintkezés kezdetei, in: *Ethnographia*, VIII (1897) S. 14.
10. Й. Перени: Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами, in: *Studia Slavica*, т. II., ф. 1—4. S. 12.
11. *Magyarország története*, т. I. Budapest, 1964, S. 34; Jankó János; *Herkunft der magyarischen Fischerei*. Budapest—Leipzig, 1900. S. 330—342.
12. Й. Перени: Указанная выше статья, стр. 11—13.
13. Й. Перени: Указанная выше статья, стр. 28.
14. Более подробно см. П. М. Лизанец: Про східнослов'янсько—мадярські міжмовні контакти. — журнал *Мовознавство*, № 3, Киев, 1969, стр. 29—32; Его же: Мадярські племена та їх історичні і мовні зв'язки з східними слов'янами (пізніше українцями). In: *Слов'янсько—угорські міжмовні та літературні зв'язки*. Науково-тематичний збірник. Ужгород, 1970, стр. 51—82; А. М. Рот: *Венгерско—восточнославянские языковые контакты*. Будапешт, 1973; А. К. Золтан: К вопросу о восточнославянских лексических связях старшего периода. — *Studia Slavica*, т. XXV, (1979). S. 465—473.
15. *Полное собрание русских летописей*, т. II. *Ипатьевская летопись*. С.-Петербург, 1908. с. 18.
16. М. М. Лелекач: Про приналежність Закарпаття до Київської Русі в X—XI ст. — *Наукові записки Ужгородського Державного Университета II. Історико-філологічна серія*. Ужгород, 1949, стр. 30.
17. Györfly György: *Az Árpád-kori Magyarországnak történeti földrajza*. I. Budapest, 1963, S. 520.
18. С. И. Ковтюк: *Украинизмы в венгерском говоре низовья реки Уж Закарпатской области Украинской ССР*. — Автореферат кандидатской диссертации. Ужгород, 1973; Его же: Неассимилированные украинизмы в ужанском венгерском говоре. — In: *Тезисы докладов всесоюзного совещания финно-угроведов*. Ужгород, 1977; П. М. Лизанец: Мадярські племена та їх історичні і мовні зв'язки з східними слов'янами. — In: *Слов'янсько—угорські міжмовні та літературні зв'язки*. Науково-тематичний збірник. Ужгород, 1970; Его же: *Magyar—ukrán nyelvi kapcsolatok. A kárpátontúli ukrán nyelvjárások anyaga alapján*. Uzshorod, 1970.
19. Miklosich, F.: *Die slavischen Elemente im Magyarischen*. Wien, 1871; Asboth, Oszkár: *A szláv szók a magyar nyelvben*. Budapest, 1893; uő: *Szláv jövevényszavak. I. Bevezetés és különböző rétegek kérdése*. Budapest, 1907; Melich, János: *Szláv jövevényszavaink*. Budapest, 1/1, 1903; 1/2, 1905; Kniezsa, István: *A magyar nyelv szláv jövevényszavai*. Budapest, 1/1—1/2 1955; Hadrovics, László: *Jövevényszóvizsgálatok*. Budapest, 1965; Kiss, Lajos: *Hatvanhét szómagyarázat*. Budapest, 1970.
20. Erdődi, József: Magyar szavak az orosz nyelvben. *Magyar Nyelvőr*, 76. (1952) S. 224—227.
21. Более подробно см. П. М. Лизанец: *Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья*, стр. 157—163.
22. Lizanec, P. M.: *Magyar—ukrán nyelvi kapcsolatok. A kárpátontúli ukrán nyelvjárások anyaga alapján*. Uzshorod, 1970. Его же: *Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско—украинские межъязыковые связи*. Будапешт, 1976; Его же: *Атлас лексичних мадяризмів та їх відповідників в українських говорах закарпатської області УРСР*. Ужгород, 1976.
23. Э. Сепир: *Язык. Введение в изучение речи*. Москва—Ленинград, 1938. стр. 152.